

pocket**book**

rocket**book**

Рэй БРЭДБЕРИ

Кошкина пижама

Москва
2021

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury

THE CAT'S PAJAMAS

Copyright © 2004 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Ольги Акимовой*

Серия «Pocket book»

Оформление *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке:

Hans Wissmeyer / dieKleinert / Mauritius Images / FOTOLINK

Серия «Культурная классика»

Оформление *Н. Ярусовой*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Кошкина пижама / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. О. Акимовой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 256 с.

ISBN 978-5-699-59839-7 (Pocket book)

ISBN 978-5-04-090319-1 (Культурная классика)

Пьяные сенаторы проигрывают в индейском казино один штат за другим, пока не спускают всю страну.

Величайшим художником современности оказывается уличный хулиган, мастер граффити и аэрозольного баллончика.

«Мафиозная Бетономешалка» помогает Френсису Скотту Фицджеральду дописать неоконченный роман о золотом веке Голливуда.

От классика американской литературы двадцать рассказов и маленькая поэма в качестве эпилога.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Акимова О., перевод на русский язык,
2021

ISBN 978-5-699-59839-7

ISBN 978-5-04-090319-1

© Издание на русском языке, оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящается Мэгги
Пижама для кошки, навсегда.*

*Памяти Скипа – нежного брата, доброго друга,
который поделил со мной те прекрасные юные
годы в Грин-тауне, штат Иллинойс.*

Выражаю благодарность Донну Олбрайту за то, что перерыл мои подвалы и нашел рассказы, о которых я давным-давно позабыл. Ты по-прежнему мой «золотистый ретривер».

Вступление

ЖИВ, ЗДОРОВ, ПИШУ

Что можно сказать о моем сокровенном «я», о моем подсознании, о моем творческом демоне, который пишет за меня все эти рассказы?

Постараюсь найти какой-нибудь свежий способ, чтобы проникнуть в этот процесс, который вот уже семьдесят лет заставляет меня жить, двигаться и писать.

Двумя наглядными примерами того, как я работал начиная с сороковых годов и до сегодняшнего времени, являются мои рассказы «Куколка» и «Собиратель». (Прим.: «Куколка»¹ в этом сборнике отличается от одноименного рассказа, опубликованного в 1946 году в журнале «Эмейзинг сториз» и позднее включенного в сборник «“К” значит космос» («S is for Space»). Просто мне так понравилось это название, что я использовал его дважды.)

Когда-то, в сороковые, мы с братом долгими летними днями проводили все свое свободное время на пляже. Он был настоящим серфингистом,

¹ В русских изданиях рассказ 1946 года «Chrysalis», о котором идет речь, назывался «Куколка» (пер. Н. Гончар) и «Превращение» (пер. Норы Галь). В данном сборнике рассказ «Chrysalis» называется «Куколка», чтобы избежать путаницы с другим рассказом этого же сборника «Превращение» («The Transformation»). (Прим. переводчика.)

а я плавал без доски и время от времени слонялся у причала Санта-Моники и перезнакомился со всеми волейбольными игроками и силачами, поднимавшими тяжести. Среди приобретенных друзей было и несколько цветных (в те времена все говорили «цветной»; термины «черный» и «афро-американец» появились многими годами позже).

Меня заинтересовала идея о том, что цветные в самом деле способны сгореть на солнце; раньше такая мысль никогда не приходила мне в голову. Метафора налицо, я написал рассказ «Куколка», и вот теперь он впервые увидел свет. Я написал этот рассказ и отложил в стол задолго до начала движения за права человека; это продукт своей эпохи, и я надеюсь, он выдержит проверку временем.

«Будем самими собой» – это результат того, что я вырос в доме своей бабушки и отчасти был воспитан чернокожей няней по имени Сьюзен. Это была удивительная женщина, и все свое детство один раз в неделю я с нетерпением ждал ее прихода.

Когда в 1934 году моя семья переехала на запад, я потерял связь с большинством своих друзей в Уокегане, включая и Сьюзен. Она написала мне вдогонку, спрашивая, не может ли она поехать с нами и быть служанкой в нашей семье. Увы, это был разгар Великой депрессии, мой отец потерял работу, а брат поступил в Гражданский корпус охраны природных ресурсов, чтобы не быть обузой для нашей семьи. Мы были бедны, как церковные мыши, и сами едва держались на плаву. Мне пришлось написать Сьюзен, поблагодарить ее за до-

броту и пожелать ей счастья в будущем. Это навело меня на мысль когда-нибудь приехать в Уокеган, навестить друзей и повидаться с Сьюзен. Этого так и не произошло, но рассказ стал следствием того, как я воображал себе будущее, и того, что я оказался совсем не таким человеком, каким мне хотелось быть. Я получил известия о Сьюзен много лет спустя: она благополучно пережила весь оставшийся период Великой депрессии.

«Собиратель» – это уже совсем другой рассказ. Много лет назад, во время путешествия через Атлантику, мы с моей женой Мэгги встретили одного удивительного собирателя книг и основателя библиотек. Мы провели несколько часов в его обществе, и нас страшно заинтересовали невероятные истории, которые он рассказывал о своей жизни.

В конце нашей встречи мы оба, я и моя жена, были поражены одним неожиданным поворотом, о котором вы прочтете в рассказе.

Двадцать лет я хранил память об этом путешествии и о том джентльмене, но так и не использовал подаренную им метафору.

Но за прошедшие шесть недель со мной произошло нечто странное и удивительное. В начале ноября моя жена заболела, ее увезли в больницу, и она умерла как раз накануне дня Благодарения. Во время ее болезни и после, впервые за семьдесят лет, мой демон смиренно сидел внутри меня. Не стало моей музыки, моей Мэгги, и демон не знал, что ему делать.

Прошли дни, потом недели, и я начал уже спрашивать себя, буду ли я когда-нибудь снова

писать; мне было непривычно проснуться утром и не слышать пьесы, которую мои мысли разыгрывали в моей голове на подмостках моего собственного театра.

Но в одно прекрасное утро, несколько дней назад, я проснулся и увидел того джентльмена, «Собирателя», который в ожидании сидел на краешке моей постели и который сказал: «В конце-то концов, напиши мою историю».

Обрадованный, впервые за полтора месяца я позвал свою дочь Александру и надиктовал ей этот рассказ.

Надеюсь, что, сравнив рассказы «Куколка» и «Собиратель», вы поймете: несмотря на разделяющее их время, моя способность распознать метафору не изменилась.

Разумеется, мои писательские способности, когда я писал «Куколку», были гораздо примитивнее, однако сама идея была сильная и достойная внимания.

Рассказ «Дело вкуса» стал следствием того, что в течение долгого времени в моей жизни мне приходилось сталкиваться с пауками: то в поленнице, когда я жил в Тусоне, или по дороге в Мехико, когда мы увидели такого огромного паука, что даже вышли из машины, чтобы рассмотреть его поближе. Он был крупнее моей ладони, ужасно красивый и мохнатый. Вернувшись в Калифорнию, я перво-наперво столкнулся с тем, что в каждом гараже в Лос-Анджелесе прячутся несколько дюжин пауков «черная вдова», так что надо быть осторожным, что-

бы тебя не укусили эти ядовитые создания. А потом ты начинаешь думать: интересно, каково это, когда у тебя скелет снаружи, а не внутри, – так что я развернул эту идею в рассказе «Дело вкуса», где нарисовал мир живущих на далекой планете пауков, которые гораздо умнее, чем прилетевшие к ним инопланетные астронавты. Этот рассказ стал началом замысла киносценария, озаглавленного «Пришелец из космоса» («It Came from Outer Space»), который я написал для студии «Юниверсал» несколько месяцев спустя. Так благодаря истории, захватившей мое воображение, я стал работать на студии и сделал неплохой фильм.

Что касается других рассказов этого сборника, большинство из них родились в моей голове практически мгновенно, и я едва успевал их записывать.

Однажды, полгода назад, я подписывал книги вместе с одним из своих молодых друзей, и мы стали с ним болтать об индейских казино, разбросанных по всем Соединенным Штатам. Неожиданно я сказал своему молодому приятелю: «А что, если кучка пьяных сенаторов проиграет Штаты владельцу какого-нибудь индейского казино?»

Не успел я это сказать, как тут же закричал: «Дай мне карандаш и бумагу», – набросал идею, а несколько часов спустя закончил писать рассказ.

Полгода назад, просматривая «Нью-Йоркер», я наткнулся на серию фотографий бедных оклахомцев, сделанных как будто в тридцатые годы, когда они подались на запад по шоссе 66. Прочтя дальше, я обнаружил, что это были вовсе не

оклахомцы, а нью-йоркские модели, наряженные в старые одежды и позировавшие в Нью-Йорке не ранее чем год назад. Это открытие настолько поразило и разгневало меня – как такая трагическая страница нашей истории могла стать темой для модного показа?! – что я написал рассказ «Шестьдесят шесть».

Эта книга также исполнена привязанности к моим любимым писателям. Никогда в жизни я не испытывал ревности или зависти к таким почитаемым мною авторам, как Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Мелвилл, Эдгар По, Оскар Уайльд и другие. Мне бы только хотелось, чтобы мои книги стояли на полках библиотек рядом с их книгами.

Потому-то я настолько беспокоился о состоянии ума и творческих способностях Фицджеральда, что часто выдумывал всякие машины времени, чтобы вернуться в прошлое и спасти его от самого себя; конечно, это была невыполнимая задача, но этого требовала моя любовь.

В данном сборнике вы найдете меня в роли защитника веры, помогающего Скотти завершить труд, который он должен был завершить, и без конца увещающего: не поклоняйся деньгам, держись подальше от киностудий.

Несколько лет назад, проезжая по автостраде в сторону Пасадены, я увидел потрясающие граффити, изображенные на бетонных стенах и на пролетах мостов: чтобы творить эту удивительную настенную живопись, неизвестным художникам приходилось висеть вниз головой. Эта мысль так

меня захватила, что к концу дня я написал рассказ «*Olè, Ороско! Сикейрос, sí!*».

Рассказ о погребальном поезде Линкольна «Траурный поезд имени Джона Уилкса Бута/Уорнер Бразерс/MGM/NBC» кажется вполне понятным, поскольку мы живем в такое время, когда реклама стала своеобразным стилем жизни, подлинная сущность истории забывается и прославляются не герои, а преступники.

«Все мои враги мертвы» – также вполне прозрачная история. По мере старения мы обнаруживаем, что не только наши друзья растворяются в потоке времени, но и враги, которые не давали нам прохода в начальной, а потом в средней школе, исчезают, и мы вдруг понимаем, что в нас не осталось никаких враждебных воспоминаний! Я довел эту мысль до ее логического конца.

«Восточный экспресс» в Вечность для Р. Б., Г. К. Ч. и Дж. Б. Ш.» – уже не рассказ как таковой, а скорее рассказ-поэма, в котором прекрасно воплотилась моя беззаветная любовь к книгам и их авторам начиная с того времени, когда мне было восемь лет. Я не обучался в университете, поэтому библиотека стала для меня местом встречи с такими людьми, как Г. К. Честертон, Бернارد Шоу и все остальные из той удивительной компании, что населяла книжные полки. Я мечтал, что однажды приду в библиотеку и увижу одну из моих книг прислоненной к одной из их книг. Я никогда не ревновал моих героев, никогда не завидовал им, мне лишь хотелось, как верному псу, бежать вслед

их славе. Поэма родилась за один день, одним непрерывным потоком, так что я тихонько, как мышка, незаметно мог скользить по ней, слушая их фантастические беседы. Если в чем-то и выразилась моя жизненная цель на протяжении некоего периода, то в этой поэме – вот почему я решил включить ее в этот сборник.

В общем, большинство этих рассказов захватывали меня в различные моменты моей жизни и не отпускали до тех пор, пока я не закреплял их на бумаге.

Это говорит мой демон. Надеюсь, вы его слушаете.

КУКОЛКА

1946–1947

Далеко за полночь он вставал, оглядывал вынутые из коробок новехонькие флаконы, протянув руки, ощупывал их, потихоньку чиркал спичкой, чтобы прочесть эти белые этикетки, пока все его семейство безмятежно спало в соседней комнате. К подножию холма, на котором стоял их дом, подкатывало море, и, пока он шептал про себя волшебные названия лосьонов, до него доносилось шипение волн, омывающих скалы и песок. Эти названия слетали с его языка, как песня: *МЕМФИС-СКОЕ БЕЛОЕ МАСЛО, результат гарантирован, Мягкий Бальзам Теннесси... ОТБЕЛИВАЮЩЕЕ МЫЛО, СНЕЖНАЯ БЕЛИЗНА ХИГГЕН* – они были, словно солнечный луч, выжигающий тьму, словно вода, добела отмывающая бельё. И тогда он откупоривал их, капал немного на руки, растирал и, подставив ладонь под свет спички, ждал, когда же наконец его руки станут белыми, как хлопковые перчатки. Но ничего не происходило, и он утешал себя тем, что, может быть, это произойдет завтра ночью или послезавтра, а возвратившись в постель, все лежал, не сводя глаз со стеклянных бутылок, громоздившихся над ним, как гигантские зеленые жуки, поблескивающие в слабом свете уличных фонарей.

«Зачем я это делаю? – думал он. – Зачем?»